

ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

С конца 40-х годов XVI века Иван IV переходит уже к самостоятельному правлению. В те времена люди выросли куда раньше, чем сейчас. Мужчина становился совершеннолетним в 15 лет. До этого возраста юный феодал был еще *«недорослем»*, т. е. подростком, а к 15-ти годам он, как тогда говорили, *«поспевал»* к службе и становился *«новиком»*. Через год после совершеннолетия, в 16 лет, Иван Васильевич собрал бояр и сообщил, что хочет жениться. Привести жену *«из ыного*

государства» ему кажется неверным, так как он опасается не сойтись с иностранкой характерами (*«нечто норовы будут розные»*), а потому решил взять себе жену *«в своем государстве»*. Должно быть, великий князь считал, что жену из своих подданных легче, чем иноземку, отправить в монастырь, если вдруг *«норовы будут розные»*. Бояре и митрополит, по словам летописи, которая часто изображает их людьми сентиментальными, даже всплакнули от умиления (*«от радости заплакаху»*), что государь, хоть и молод, а уже сам догадался жениться. Но государь порадовал своих слушателей еще одним сообщением: он желает *«наперед своей женитвы поискати прежних своих прародителей чинов»*. Конкретно же речь шла о том, чтобы принять новый титул.

Почему Иван IV прародительским чином называл титул царя, которого на самом деле не носили его предки? Ведь все они были лишь великими князьями, только иногда, не столь в официальных документах, сколь в публицистике, их для пущей торжественности именовали царями. Причина состоит в том, что особое уважение к старине, традиции, *«пошлине»* характерно для средневековой идеологии. В наше время говорят, что новое - хорошо забытое старое, ибо у нас часто старое маскируется под новое: так велико наше уважение к прогрессу, к новаторству. Средневековый темп жизни, когда человек обычно оставлял мир почти таким же, каким застал при рождении, диктовал традиционность общественного сознания. Наша пословица не могла сложиться в те времена, когда новое обязательно маскировалось под старое, под восстановление нарушенного обычая. Основанием же была популярная легендарная повесть «Сказание о князьях Владимирских». В ней рассказывалось, что византийский император Константин Мономах (византийских императоров на Руси называли царями), родной дед киевского князя Владимира Всеволодича Мономаха, прислал внуку свой царский венец – *«шапку Мономаха»* и все права на царский титул. Нужды нет, что тот головной убор, который называли шапкой Мономаха, на самом деле - золотая тюбетейка среднеазиатской работы, опушенная соболем и увенчанная уже в Москве крестом, как полагают, подарок хана Узбека Ивану Калите.

Вряд ли 16-летний Иван IV сам был инициатором принятия царского титула. В его окружении важную роль играл митрополит Макарий, один из самых образованных людей России того времени. Он активно участвовал во всей государственной деятельности в 40-е и 50-е годы. Поднять авторитет государя при помощи нового титула, должно быть, стремились и его родственники - Глинские.

Принятие царского титула было очень важно. Само слово «царь» происходит от латинского термина «цезарь», который из личного имени Кая Юлия Цезаря постепенно превратился в составную часть императорского титула. Потому-то на Руси и называли царями императоров Византии,

называли так и ханов Золотой Орды, а затем и выделившихся из ее состава ханств. Естественно, «великий князь» казался стоящим ненамного выше просто князя, тем более что среди служивших Ивану IV бояр-князей было немало сыновей и внуков великих князей же (ярославских, суздальских и т. п.). Великий князь мог еще восприниматься как первый среди равных. Царь - резкое выделение из ряда, принципиально иной титул. В Византии императоры фактически возглавляли церковь, В произведениях византийских богословов и проповедников, провозглашенных «святыми», «отцами церкви», немало места уделено поучениям о том, что нужно почитать царя и воздавать ему честь. Эти поучения теперь как бы автоматически переходили на личность государя всея Руси.

Важную роль играл царский титул в международных отношениях. Ведя переговоры с Казанским, Крымским или Астраханским ханствами, русский государь выступал теперь с тем же титулом, что и его партнеры. В сношениях с Западной Европой титул царя был не менее важен. Титул «великий князь» обычно переводили словами «принц» или «герцог», иногда - с добавлением определения «великий». Но оба эти титула ниже королевского, не говоря уже об императорском. Слово же «царь» либо оставляли непереведенным, либо передавали как император.

Сама коронация торжественно состоялась в январе 1547 года. А вслед за тем, в марте, *«государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси»* вступил в брак с боярышней Анастасией, дочерью отпрыска старого московского боярского рода Романа Юрьевича Захарьина. Брат Анастасии - Никита Романович Юрьев, а также другие родственники молодой царицы вскоре заняли видное место в правительственной верхушке.

Однако после коронации и свадьбы сначала мало что изменилось: как и раньше, правили Глинские, а молодой царь предавался разнообразным забавам. Не раз проявлял он и свой жестокий нрав. Смертный приговор Андрею Шуйскому был только началом серии опал и казней. В сентябре 1545 года по приказу 15-летнего великого князя Афанасия Бутурлину отрезали язык *«за невежливое слово»*. Через месяц попали в опалу (кто знает почему - летопись молчит о причинах) четверо бояр, но были прощены всего через месяц.

Летом 1546 года государю пришлось испытать неприятные ощущения: под Коломной (там ожидали прихода крымского хана) к великому князю, отправившемуся на увеселительную прогулку, пришли с какими-то жалобами новгородские «пищальники» (стрельцы). Не выслушав жалоб, Иван приказал им через своих посланников уходить. Пищальники оказали сопротивление и вступили в бой с дворянами. Потери были немалыми - по 5-6 человек с каждой стороны. Великий князь немедленно приказал найти подстрекателей: *«Проведати, по чьему науку бысть сие супротивство»*.

Ведший следствие дьяк Василий Гнильевский нашел виновных в своих личных врагах - боярах Воронцовых и князе Иване Кубенском. Перед тем они были любимцами государя, но это не помешало 16-летнему монарху приказать отсечь им головы. В тюрьмы и ссылку были отправлены еще двое.

Все это происходило еще до венчания на царство и свадьбы. А в начале июня 1547 года молодой царь вновь продемонстрировал свой крутой характер. 70 самых почтенных, самых уважаемых псковичей приехали в подмосковное село Остров к царю Ивану с жалобой на злоупотребления наместника - князя Ивана Ивановича Турунта-Пронского. Царь пришел в негодование: как смеют простые «посадские мужики» бить челом на князя! Псковская летопись рассказывает, что царь псковичей *«бесчествовал, обливаячи вином горячим (спиртом. - В. К.), палил бороды и волосы да свечью зажигал, и повелел их покласти нагих по земли»*. Представим себе эту отвратительную сцену: 17-летний юнец в царском венце не просто строго наказывает ослушников, а жестоко, садистски издевается над почтенными стариками. Кстати, этот эпизод - одно из доказательств ошибочности распространенной легенды о том, что Иван IV ненавидел знать и стремился возвышать людей низкого происхождения. На самом деле он был аристократом до мозга костей. Но об этом впереди.